

О КРЕАТИВНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА НЕСТАНДАРТНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ)

© Гульшат Хайрутдинова

ON THE NOMINAL CATEGORY OF NUMBER CREATIVE POTENTIAL (BASED ON THE ANALYSIS OF NON-STANDARD GRAMMATICAL FORMS)

Gulshat Hayruttinova

The article studies the functions of non-standard forms of the noun number used in poetic works. The relevance of the work is determined by the significance of its results for deepening and clarifying scientific ideas about the stylistic resources of the category of number. The purpose of the study is to analyze and describe the functions of the number forms, which are a departure from the language norm. The study is based on the poetic texts included in the "National Corps of the Russian Language". The main research methods are descriptive-analytical, semantic-stylistic, and the method of distribution. The novelty of the study consists in a systemic analysis of the considered grammatical units in terms of the creative potential of the category of number. The following types of non-standard use of grammatical units were revealed: 1) the use of non-casual plural forms of singularia tantum nouns; 2) the use of abusive forms of the singular pluralia tantum; 3) the formation of plural forms of substantives with a deviation from the norm; 4) the use of variant plural forms - archaic or characteristic of a particular style (colloquial, vernacular, used in professional speech, etc.); 5) the violation of the norms of compatibility with other words. We have found that the use of both plural forms of nouns with an excessive number paradigm is local in nature. This article first states that non-standard forms of number in a poetic text are used to versify, make speech shorter and more meaningful, to reflect aesthetic categories of comic and sublime, enhance imagery, express intertextual connections, stylize, and enrich the associative-semantic space of the text by rethinking words based on close sounding.

Keywords: poetic text, creative potential, language norm, non-standard number form, variant form, function of the grammatical form of number.

Статья посвящена исследованию функций нестандартных форм числа существительных, используемых в поэтических произведениях. Актуальность работы определяется значимостью ее результатов для углубления и уточнения научных представлений о стилистических ресурсах категории числа. Цель исследования – анализ и описание функций форм числа, представляющих собой отступление от языковой нормы. Материалом для изучения послужили стихотворные тексты, включенные в Национальный корпус русского языка. В качестве основных использованы такие методы исследования, как описательно-аналитический, семантико-стилистический, дистрибутивный. Новизна исследования состоит в системном анализе рассматриваемых грамматических единиц в аспекте описания креативного потенциала категории числа. Выявлены следующие типы нестандартного употребления грамматических единиц: 1) использование неузальных плуральных форм существительных singularia tantum; 2) употребление ненормативных форм единственного числа существительных pluralia tantum; 3) образование плуральных форм субстантивов с отклонением от нормы; 4) применение вариантических форм множественного числа – архаических или характерных для определенного стиля (разговорных, просторечных, используемых в профессиональной речи и т. п.); 5) нарушение норм сочетаемости с другими словами. Определено, что локальный характер имеет использование обеих плуральных форм существительных, имеющих избыточную парадигму числа. Впервые установлено, что нестандартные формы числа в поэтическом тексте используются с целью версификации, придания речи краткости, емкости смысла, отражения эстетических категорий комического и возвышенного, усиления образности, выражения интертекстуальных связей, стилизации, обогащения ассоциативно-смыслового пространства текста путем переосмыслиния слов на основе близкозвучия.

Ключевые слова: стихотворный текст, креативный потенциал, языковая норма, нестандартная форма числа, вариантная форма, функция грамматической формы числа.

В поэтических произведениях, для которых характерно творческое использование языковых единиц, наиболее полно раскрываются все имеющиеся в системе языка возможности. Поэтому анализ лингвистической литературы демонстрирует неослабевающий интерес ученых к своеобразию стихотворной речи. Внимание языковедов привлекали экспрессивные возможности слов, синтаксических конструкций, элементов фоностилистики и т. п. Изучению подвергались и средства морфологического уровня языка, рассматриваемые в рамках категории рода существительных, вида, лица и залога глаголов (например, в работах В. В. Виноградова, Р. О. Якобсона, Я. И. Гина, Е. Н. Ремчуковой).

В данной статье мы обратились к исследованию нестандартных форм числа русских субстантивов, используемых в стихотворных произведениях. Знакомство со специальной литературой показывает, что ряд вопросов, связанных с основными характеристиками категории числа, уже получил освещение в исследованиях А. В. Бондарко, Л. Н. Булатовой, В. В. Виноградова, Г. И. Пановой, В. А. Плунгяна, И. И. Ревзина и др. Рассматривался также вопрос о функционировании форм числа как средств выразительности художественного текста [Ковалев], [Ионова], [Голуб], [Ревзина]. Анализируемые грамматические формы изучались в контексте проблем эстетики языковых единиц и лингвокультурологии [Хайрутдинова, Чжан], [Хайрутдинова]. Однако следует отметить, что нестандартные формы числа еще не были предметом системного анализа. В то же время грамматическая стилистика русского языка уже давно испытывает потребность в ликвидации тех лакун, которые имеются по этому вопросу. Все сказанное обуславливает актуальность нашей работы. Целью исследования в данной статье является анализ и описание функций форм числа, представляющих собой отступление от языковой нормы, на материале поэтических текстов. Новизна исследования состоит в системном анализе рассматриваемых грамматических единиц в аспекте описания креативного потенциала категории числа. Материалом для изучения послужили стихотворные тексты XIX–XX вв., имеющиеся в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ). В качестве основных в работе были использованы описательно-аналитический, семантико-стилистический, дистрибутивный методы исследования.

Теория языковой нормы как совокупности наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, обладающих качествами особой правильности и общеобязательности, разрабатывается уже на протяжении многих десятилетий (см. работы В. В. Виноградова, К. С. Горбачевича, Л. К. Граудиной, Н. А. Еськовой, Д. Э. Розенталя, Д. Н. Ушакова и др.). В тесной взаимосвязи с проблемой нормализации русского языка и анализа динамики литературной нормы ученые рассматривают вопрос о языковых вариантах как разновидностях одной и той же языковой единицы, которые при тождественном значении различаются частичным несовпадением своего звукового состава. В силу сказанного объектом нашего анализа стали нестандартные формы числа существительных, а именно те словоформы, которые представляют собой отклонение от грамматической нормы, а также варианты форм числа – устаревшие или принадлежащие разговорной, профессиональной речи и т. п.

Как нам представляется, специфика морфологической категории числа существительных во многом определяется структурно-типологическими особенностями русского языка, разнородностью лексических значений субстантивов, взаимодействующих с грамматическим значением числа, семантикой форм единственного и множественного числа, своеобразием парадигмы числа ряда существительных, особенностями формирования данной категории, послужившими главной причиной бытования в данном сегменте языка вариантных форм. Все это обусловило возможность использования в речи нестандартных форм числа, которые могут быть рассмотрены в аспекте «означивания» грамматики при описании ее креативного потенциала [Ремчукова, с. 2–3]. Наблюдения показывают, что факты подобного словоупотребления, связанные с реализацией творческой интенции автора произведения, связаны не с ядром категории числа, формируемым коррелятивными существительными, которые называют дискретные, исчисляемые объекты [Панова, с. 98, 105], а с периферией данного грамматического объекта.

Изучение креативного потенциала рассматриваемой категории свидетельствует о том, что можно выделить следующие типы функционирования нестандартных форм числа: 1) использование неизуальных плюральных форм существительных *singularia tantum* типа *жары*; 2) употребление ненормативных форм единственного

числа существительных pluralia tantum (например, *аплодисмент*); 3) образование плюральных форм существительных с отклонением от нормы (типа *утенки, татаровья*); 4) применение вариантов форм множественного числа – архаических или характерных для определенного стиля, сферы речевого общения (разговорных, просторечных, используемых в профессиональной речи и т. п.); 5) нарушение норм сочетаемости с другими словами. Локальный характер имеют случаи использования обеих плюральных форм (например, *люди-человеки*), что обусловлено наличием избыточной парадигмы у существительных *человек и год*.

Особый интерес представляет выявление тех функций, которые способны выполнять в тексте стихотворного произведения рассматриваемые грамматические единицы. Проведенный анализ показал, что набор этих функций достаточно разнообразен.

1. Наиболее часто нестандартные грамматические формы используются как средство версификации, участвуя в создании концевых созвучий или в ритмической организации стихотворного текста. Подтверждим сказанное примерами:
*Вас охраняла длань Господня / И сердце матери.
Вчера – / Малютки-мальчики, сегодня – / Офицера.* (М. Цветаева. «Генералам двенадцатого года») (здесь и далее разрядка наша – Г. Х.); *Новым, чистым дыханием наполнился будень, / Обозначилось все, что роилось вдали, / Лодки на море – скопище старых посудин – / Превратились в мерцающие корабли.* (С. Липкин. «В этом городе южном я маленький школьник...») [НКРЯ]. Выделенные грамматические единицы, а именно ошибочная форма множественного числа *офицера* (вместо нормативной словоформы *офицеры* [Русская грамматика, с. 498]) и не-нормативная форма единственного числа существительного pluralia tantum *будни*, в приведенных фрагментах текстов используются для создания рифмы. В следующих отрывках текста устаревшие формы множественного числа *писаря* [Русская грамматика, с. 498] и *дерева*, также являясь средствами версификации, обеспечивают метрические схемы анапеста и амфибрахия: *В романтической Пензе / Писаря при луне / В честь Лаур средь гортензий / Пели гимны весне?* (Саша Черный. «Хмурый пензенский спорщик...»); *Похоже, огромный, как тень, брадобрей / Макает в пруды дерева и ограды / И звякает бритвой об рант галерей.* (Б. Пастернак. «Баллада») [НКРЯ].

2. В стихотворных произведениях обнаруживается довольно много случаев, когда употребление нестандартных форм числа придает речи

краткость, емкость выражения. В то же время своеобразная экономия языковых средств настраивает читателя на креативный подход к пониманию текста, к творческому его осмыслинию. Приведем примеры: *Мы помним все – парижских улиц ад, / И венецианские прохлады, / Лимонных рощ далекий аромат, / И Кельна дымные громады...* (А. Блок. «Скифы»); *Он посмотрит все хоккеи – поблеет, похудеет, – / У него к большому старту подготовка.* (В. Высоцкий. «Что сегодня мне суды и заседанья...»); *Ну можно ли в жилет пулять мороженым?! / А можно ли / в капронах / ждать в морозы? / Самой восьмого покупать мимозы – / можно?!* (А. Вознесенский. «Бьет женщина») [Там же]. В данных контекстах использованы плюральные формы существительных, принадлежащих группе слов singularia tantum, которые не имеют коррелятивных словоформ другого числа [Панова, с. 106]¹: абстрактных слов *прохлада* и *хоккей*, а также вещественного существительного *капрон*, представляющих собой лаконичный способ выражения значений «прохладные места, уголки (Венеции)», «хоккейные матчи» и «капроновые чулки».

3. Характеризуя креативные возможности категории числа существительных, отметим, что анализируемые грамматические формы нередко используются для отражения эстетической категории комического. Например, в шутливых строчках Ю. Благова плюральные формы антропонимов *Щедрин* и *Гоголь*, относящихся к существительным singularia tantum, выражают значение «выдающиеся писатели-сатирики»: *Мы за смех, но нам нужны / Подобнее щедрины / И такие гоголи, / Чтобы нас не трогали.* («Мы за смех, но нам нужны...») [Там же]. В стихотворении «Зашумит ли клеверное поле...» Е. Евтушенко с целью языковой игры, традиционно рассматриваемой в рамках категории комического, употребляет одновременно две плюральные формы множественного числа (нормативную форму *люди* и словоформу *человеки*, которая характеризуется как устаревшая и шутливая [Ожегов, с. 763]): *Я люблю вас, люди - человеки, / и стремление к счастью вам прошу. / Я теперь счастливым стал навеки, / потому что счастья не ишу* [Там же]. В следующем фрагменте текста окказиональная форма множественного числа *цыпленки* (вместо нормативной формы *цыплята*)

¹ В ряде работ также указывается, что слова singularia tantum могут быть характеризованы как существительные с потенциально полной парадигмой, однако нормой является их употребление в формах единственного числа [Русская грамматика, с. 473].

используется для создания иронии: *Хоронились / обыватели / за кухни, / за пеленки. / – Нас не трогайте – / мы / ы и пленки. / Мы только мошки, /мы ждем кормежки.* (В. Маяковский. Поэма «Хорошо!») [Там же]. При этом во всех этих контекстах функция создания комического эффекта совмещается с версификационной целью – формированием концевых созвучий. В более редких примерах обнаруживается отсутствие грамматического согласования по числу, что является одним из средств формирования иронического подтекста: *Товарищ Иван Ваныч ушли заседать – / объединение Тео и Гукона* (В. Маяковский. «Прозаседавшиеся») [Там же].

4. Нестандартные грамматические формы могут использоваться для отражения возвышенных явлений. Так, в приводимых далее примерах с этой целью употреблены устаревшие формы множественного числа *други* и *крыла*: *Приобщимся же, други, к сиянию / И поэзии и труда, / Утвержденному солнечной дланью / В нашей родине навсегда!* (Б. Лившиц. «Ждут нового Микеланджело»); *Из пламени Господь их сотворил, и встали / они вокруг Него, запели, заблистали / и, ослепленные сиянием Божества, / расправили крыла и заслонились ими, / и очи вспыхнули слезами огневыми.* (В. Набоков. «Серафимы») [Там же].

5. Рассматриваемые формы числа иногда используются с целью создания образности: *Плески, выплески, блестки и блески, / Через камни, в камнях, из камней, / Брызги, дребезги, всплески и плески / В ноги женщин, в ноздри коней.* (С. Шервинский. «Фонтан треви») [Там же]. Использование ряда слов в форме множественного числа, в том числе существительных *singularia tantum* *плеск*, *блеск*, *всплеск*, *выплеск*, создает ощущение множества брызг, сверкающих на солнце капель воды, что способствует формированию образа фонтана. Живости, наглядности описания способствуют слуховые ассоциации, которые формируются за счет сочетаний согласных, например, [пл'], [ск'], [зг']. Кроме того, плюральные формы *блески* и *плески* обеспечивают созвучие в конце ритмических единиц.

В некоторых случаях образность лирического произведения формируется за счет нарушения сочетаемости существительных, которые обозначают реалии, не подлежащие исчислению. Так, в одном из стихотворений Ю. Левитанского необычная сочетаемость абстрактных слов *мука* и *боль*, позволяющая осмыслить их семантику в квантитативном аспекте, усиливает образность текста: *И вот я две муки неравных кладу на весы, / две муки, две боли, сплетенные*

мертвым узлом. / Но капелька эта, / но зернышко горькой росы... / И все-таки что же мне делать С моим ремеслом! («Попытка оправданья») [Там же].

Образность стихотворного произведения может усиливаться за счет речевой характеристики персонажа. В следующих контекстах с этой целью используются такие грамматические единицы, как ненормативная форма единственного числа существительного *pluralia tantum* *деньги* и разговорная форма множественного числа *трактора*: *Не деньги ли у тебя / завелась, / что подстриглась ты / и завилась?* (С. Кирсанов. «Разговор с бывшей»); *Еще не расцвел над степью восток, / Но не дождаться утра – / И рупор сказал, скрывая восторг: / «Внимание, трактора²!»* (И. Сельвинский. «Первый пласт») [Там же].

6. Описание креативного потенциала грамматического числа позволяет отметить, что функционирование нестандартных форм может быть рассмотрено в связи с изучением категории интертекстуальности. Так, в отрывке из стихотворения В. Шаламова ненормативная плюральная форма *утенки* не только участвует в создании рифмы, но и способствует обнажению ассоциативных связей с текстом известной сказки Ш. Перро: *Дорожкой сада впередонки, / Из всех сараев и закут / В припрыжку гадкие утенки / И даже Золушки бегут.* («Дождя, как книги, слышен шелест...») [Там же].

7. В некоторых случаях ненормативные формы числа используются с целью стилизации. Так, в «Сказке о рыбаке и рыбке» А. Пушкина употреблена устаревшая форма множественного числа *жемчуги* вместо нормативной *жемчуга* [Русская грамматика, с. 497]: *На крыльце стоит его старуха / В дорогой собольей душегрейке, / Парчовая на маковке кичка, / Жемчуги огрузили шею...* [НКРЯ]. Вместе с устаревшими словами типа *молвить* и грамматическими единицами (например, формой Т. п. мн. ч. *вороты*, формой Зв. п. ед. ч. *старче*) данная архаическая форма обеспечивает фольклорную стилизацию произведения.

8. Иногда рассматриваемые грамматические формы используются для обогащения ассоциативно-смыслового пространства текста путем переосмыслиния слов на основе близкозвучия: *И свистит и бормочет весна. / По колено затоплены тополи. / Пробуждаются клены от сна, / Чтоб, как бабочки, листья захлопали.* (Н. Заблоцкий. «Уступи мне, скворец, уголок») [Там же].

² Выделенная словоформа используется также с целью версификации.

же]. Благодаря частичному звуковому сходству между краткой формой причастия *затоплены* и архаической плюральной формой *тόполи* возникает мысль о мнимом родстве между этими разнокорневыми словами. Нормативная форма множественного числа *тополя*, имеющая ударение не на основе слова, а на флексии, в меньшей степени способствовала бы установлению подобия семантической связи между данными языковыми единицами. Кроме того, устаревшая грамматическая форма используется здесь и как средство версификации.

Таким образом, проведенный анализ выявил широкий спектр функций, выполняемых нестандартными формами числа существительных в соответствии с намерениями авторов поэтических произведений. Результаты исследования свидетельствуют о том, что нестандартные формы числа используются с целью версификации, придания речи краткости, емкости смысла, отражения комических и возвышенных явлений, усиления образности, выражения интертекстуальных связей, стилизации, обогащения ассоциативно-смыслового пространства стихотворного текста путем переосмыслиния слов на основе близкозвучия.

Как видим, изучение нестандартных форм числа позволяет более полно представить и систематизировать креативный потенциал данной морфологической категории. Дальнейшее исследование проблемы даст возможность выявить наиболее активные процессы с точки зрения реализации творческого характера самого языка в зависимости от типа языковой личности, целей и сферы речевой деятельности.

Список литературы

Голуб И. Б. Грамматическая стилистика современного русского языка. М.: Выш. шк., 1989. 208 с.

Ионова И. А. Эстетическая продуктивность морфологических средств языка в поэзии. Кишинев: Штиинца, 1989. 141 с.

Ковалев В. П. Выразительные средства художественной речи. Киев: Рад. шк., 1985. 136 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-poetic.html> (дата обращения: 22.08.19).

Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов. М.: Рус. яз., 1985. 797 с.

Панова Г. И. Современный русский язык. Морфология: словарь-справочник. Ч. 1. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2003. 264 с.

Ревзина О. Г. Системно-структурный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта: дис. в форме науч. докл. ... д-ра филол. наук: Москва, 1998. 86 с.

Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики (морфологические ресурсы языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: Москва, 2005. 40 с.

Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. М: Наука, 1980. 783 с.

Хайрутдинова Г. А. Морфологические единицы русского языка в аспекте лингвокультурологического анализа // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиглантнической среды: опыт и перспективы: тр. и матер.: в 2 т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. Т. 2. С. 192–195.

Хайрутдинова Г. А., Чжан С. Об изучении эстетических ресурсов категории числа существительных (на материале произведений русской поэзии XX в.) // Филология и культура. Philology and Culture. 2015. № 4 (42). С. 164–168.

References

Golub, I. B. (1989). *Grammaticheskaya stilistika sovremennoego russkogo iazyka* [Grammar Style of the Modern Russian Language]. 208 p. Moscow, Vysshiaia shkola. (In Russian)

Hairutdinova, G. A. (2018). *Morfologicheskie edinitsy russkogo iazyka v aspekte lingvokul'turologicheskogo analiza* [Morphological Units of the Russian Language in the Aspect of Linguocultural Analysis. Lingvokul'turologicheskie issledovaniia razvitiia russkogo iazyka v usloviyah polietnicheskoi sredy: opyt i perspektivy: tr. i mater.: v 2 t. Kazan', izd-vo Kazan. un-ta., T. 2, pp. 192–195. (In Russian)

Hairutdinova, G. A., Chzhan S. (2015). *Ob izuchenii esteticheskikh resursov kategorii chisla sushchestvitel'nykh (na materiale proizvedenij russkoi poezii XX v.)* [On the Aesthetic Related Noun Category of Number (based on the works of 20th century Russian poetry)]. Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. No. 4 (42), pp. 164–168. (In Russian)

Ionova, I. A. (1989). *Esteticheskaya produktivnost' morfologicheskikh sredstv iazyka v poezii* [Aesthetic Productivity of Morphological Means of Language in Poetry]. 141 p. Kishinev, Shtiinca. (In Russian)

Kovalev, V. P. (1985). *Vyrazitel'nye sredstva hudozhestvennoi rechi*. [Expressive Means of Art Speech]. 136 p. Kiev, Radian'ska shkola. (In Russian)

Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-poetic.html> (accessed: 22.08.19). (In Russian)

Ozhegov, S. I. (1985). *Slovary russkogo iazyka*: Ok. 57000 slov. [Dictionary of the Russian Language]. 797 p. Moscow, Russkii iazyk. (In Russian)

Panova, G. I. (2003). *Sovremennyi russkii. Morfoloziia: slovar'-spravochnik*. [Modern Russian Language. Morphology: Dictionary]. 264 p. Ch. 1. Abakan, izd-vo Hakasskogo gos. un-ta im. N. F. Katanova. (In Russian)

Revzina, O. G. (1998). *Sistemno-strukturnyi podhod v lingvisticheskoi poetike i problemy opisaniiia poeticheskogo idiolekti: dis. v forme nauch. dokl. ... d-ra filol. nauk* [The System-Structural Approach in Linguistic Poetics and the Problems of Describing a Poetic Idiolect:

Report of the Doctoral Thesis]. Moscow, 86 p. (In Russian)

Remchukova, E. N. (2005). *Kreativnyi potentsial russkoi grammatiki (morphologicheskie resursy iazyka): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Creative Potential of Russian Grammatical Morphological Resources of the Language]. Moscow, 40 p. (In Russian)

Russian Grammar (morphological resources of the language)]. Moscow, 40 p. (In Russian)

Russkaia grammatika (1980) [Russian Grammar]. 783 p.: v 2 t. T. 1. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 18.09.2019

Поступила в редакцию 18.09.2019

Хайрутдинова Гульшат Ахматхановна,
доктор филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Kgulshat@yandex.ru

Hayrutdinova Gulshat Ahmathanovna,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Kgulshat@yandex.ru